

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ.
Т. 1. РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР /
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН;
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН;
[ОТВ. РЕД. Т. И. ВЕНДИНА]. М.; СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ,
2017. 736 С.**

Славка Керемидчиева –

профессор, доктор филологических наук, отдел болгарской диалектологии и лингвистической географии, Институт болгарского языка, Болгарская академия наук
Почтовый адрес: бул. Шипченски проход 52, блок 17, София 1113, Болгария
Электронный адрес: s.keremidchieva@ibl.bas.bg

Аннотация

Рецензия посвящена первому тому «Лексического атласа русских народных говоров» (М., 2017, отв. ред. Т.И. Вендина), имеющему подзаголовок «Растительный мир» и дающему начало тематической серии «Природа». В рецензии обсуждаются структура атласа, принципы картографирования лексем, типы карт, которые авторы атласа разработали для решения конкретных лингвогеографических задач. В атласе диалектный лексический материал распределен по нескольким тематическим группам: 1. Названия лесных массивов, в том числе общие названия леса; 2. Названия деревьев; 3. Названия кустарников; 4. Названия различных трав; 5. Названия лесных ягод; 6. Названия дикорастущих цветов и лечебных трав; 7. Названия грибов. Лингвогеографическая проекция этой лексики демонстрирует сложную и сильно дифференцированную в диалектном отношении картину русского языкового континуума. Чтобы лексические, семантические и словообразовательные сходства и различия лексики, распределенной по указанным тематическим группам, были корректно отражены на картах и удобочитаемы, авторы атласа разработали разные по своим задачам и способу исполнения типы карт: лексические, семантические, лексико-словообразовательные, словообразовательные, мотивационные, номинативные. Лингвистический материал представлен на диалектном ландшафте при помощи разнообразных значков – геометрических фигур, дополненных внутренними или внешними диакритиками. Когда диалектный континуум оказывается разорванным, авторы предлагают дублетные карты, с помощью которых можно достичь большего обобщения. Используя первый том «Лексического атласа русских народных говоров», можно сделать выводы об основных лексических различиях между южно- и севернорусскими говорами или же между русским Востоком и Западом. Авторы также отмечают появившиеся в результате заимствования в диалект из литературного языка или из других языков или производные от новых диалектных слов так называемые эксклюзивные (исключительные) лексемы, характерные для северно- и южнорусских говоров.

Ключевые слова

Диалектология, лингвогеография, лингвистическое картографирование, русские диалекты, «Лексический атлас русских народных говоров», растительный мир

Статья поступила в редакцию 31 марта 2019 г.

**LEXICAL ATLAS OF THE RUSSIAN FOLK DIALECTS. VOL. 1.
THE PLANT WORLD / INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES; INSTITUTE OF SLAVIC
STUDIES, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES; EDITED BY
T. I. VENDINA. MOSCOW; SAINT PETERSBURG:
NESTOR-HISTORIA, 2017. 736 P.**

Slavka Keremidchieva

Ph.D., Professor, Department of Bulgarian
Dialectology and Linguistic Geography, Bulgarian
Language Institute, Bulgarian Academy of
Sciences

Postal address: 52 Shipchenski Prohod Blvdr.,
Block 17, Sofia 1113, Bulgaria

Email: s.keremidchieva@ibl.bas.bg

Abstract

The review is devoted to the first volume of the *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects* (Moscow, 2017, executive editor Tatyana I. Vendina), which has the subtitle *The plant world* and starts the thematic series *Nature*. The review discusses the structure of the Atlas, the principles of mapping dialect lexemes, and the types of maps that the authors of the Atlas have developed for specific purposes of linguistic geography. Dialect lexical material is distributed in the Atlas in several thematic groups: 1. Nominations of forest areas, including common forest names; 2. Tree nominations; 3. Bush nominations; 4. Nominations of various herbs; 5. Nominations of berries; 6. Nominations of wild flowers and medicinal herbs; 7. Nominations of mushrooms. This vocabulary, considered in the perspective of linguistic geography, reveals the diversity of the Russian dialect continuum. The authors of the Atlas have developed different types of maps according to their tasks and method of execution, so that lexical, semantic and word-forming similarities and differences of the vocabulary distributed in these thematic groups are correctly reflected on the maps and remain readable. There are lexical, semantic, lexical-word-formation, word-formation, motivational, and nominative maps in the Atlas. The linguistic material is represented on the dialect landscape by various icons: geometric figures supplemented by internal or external diacritics. When the dialect continuum turns out to be dispersed, the authors propose doublet maps that help achieve greater generalisation. The reviewed Atlas demonstrates the main lexical differences between the Southern and Northern Russian dialects or between the Russian East and West. The authors of the Atlas also note the so-called exclusive lexemes, which appeared as a result of borrowing into the dialect from the standard language or from other languages or derived from new dialect words and which characterise the Northern and Southern Russian dialects.

Keywords

Dialectology, linguistic geography, linguistic mapping, Russian dialects, the Lexical Atlas of Russian folk dialects, the plant world

Received 21 March 2019.

Накануне XVI Международного съезда славистов, прошедшего в конце лета 2018 г. в Белграде, вышел из печати фундаментальный «Лексический атлас русских народных говоров» (далее ЛАРНГ), который благодаря высокой ценности и исключительному исполнению может считаться самым значительным продуктом российской лингвистической географии из создававшихся за последние десятилетия. В отличие от вышедшего с 1986 по 2005 г. четырехтомного Диалектологического атласа русского языка (далее ДАРЯ), в котором представлены результаты обследования говоров центральноевропейской части России, ЛАРНГ, чья сетка охватывает 1064 опорных пункта по числу административных районов, исследует говоры европейской части России, не включенной в ДАРЯ. Это говоры Русского Севера, юга России и восточные говоры до Урала. Другое основное отличие ЛАРНГ от ДАРЯ, в четырех томах которого обследованы фонетика, морфология, синтаксис и лексика русских говоров, состоит в том, что ЛАРНГ, как становится ясным из заглавия, посвящен изучению исключительно лексического богатства народных говоров. Первый том атласа, имеющий подзаголовок «Растительный мир», дает начало тематической серии «Природа».

ЛАРНГ представляет собой широкомасштабный научный проект не только по причине того, что охватывает говоры на указанной территории, не только потому, что в его подготовке и сборе полевых данных приняли участие более 70 университетов и институтов под руководством Института лингвистических исследований РАН и Института славяноведения РАН, но главным образом благодаря воплощению задуманной концепции на высоком научном уровне. Здесь нужно отдать должное редактору тома Т.К. Ховриной и ответственному редактору Т.И. Вендиной, многолетний опыт которой в качестве автора и редактора нескольких томов «Общеславянского лингвистического атласа» (далее ОЛА) и руководителя всего международного проекта ОЛА пригодился при работе над ЛАРНГ.

Первый том ЛАРНГ содержит 210 карт (включая и дублетные), сопровождающихся соответствующими комментариями и индексами и содержащих картографированный диалектный материал, как уже было сказано, тематической группы «Растительный мир». Собранные в полевых условиях по специальной программе атласа и систематизированные данные

подверглись лингвогеографической интерпретации с целью «локализовать в пространстве вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы русских диалектов, связанного с представлениями диалектоносителей об окружающей их природе» (с. 7).

Проецирование диалектных различий и сходства в области лексики и словообразования на диалектный ландшафт может очертить ясную и достоверную картину диалектного членения русских говоров, которая является надежной основой для дальнейших научных исследований.

В атласе используются цветные значки (а не заливка). Авторами найдено отличное решение обозначать цифрой не один населенный пункт, а весь административный район, благодаря чему удалось избежать чрезмерного скопления пунктов (и цифр) на бланковке, это предопределило читаемость карт. Для однотипных говоров из такого района выбирается один представительный населенный пункт, а для разнотипных – несколько, и материалы обозначаются в индексе только одной цифрой, относящейся к району.

Этот принцип, применявшийся и в пробном томе ЛАРНГ (Лексический атлас русских народных говоров. Пробный том. СПб., 2004), дает возможность представить в атласе весь собранный материал. Это хорошо показывают как сами карты, так и обширные и очень полезные для любого исследователя комментарии, в которых представлена общая характеристика картографированного материала и описываются ареалы картографированных лексем. Комментарии сопровождаются аутентичным иллюстративным материалом, который не только придает оригинальность структуре атласа, но, что важнее, в достаточной степени документирует значение картографируемых лексем. Как и в ОЛА, здесь представлены лексемы, оставшиеся вне картографирования, включенные в 15 индексов материалов к картам. Пользование атласом облегчат сводный индекс картографируемых лексем, а также нумерация районов по областям и в соответствии с иным крупным административным делением.

Богатый диалектный лексический материал распределен по нескольким тематическим группам: 1. Названия лесных массивов, в том числе общие названия леса; 2. Названия деревьев; 3. Названия кустарников; 4. Названия различных трав; 5. Названия лесных ягод; 6. Названия дикорастущих цветов и лечебных трав; 7. Названия грибов.

Лингвогеографическая проекция всей этой разнообразной лексики показывает сложную и сильно дифференцированную в диалектном отношении картину русского языкового континуума, которая является результатом «высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения» (с. 7).

Чтобы лексические, семантические и словообразовательные сходства и различия лексики, распределенной по указанным тематическим группам, были корректно отражены на картах и удобочитаемы, авторы атласа разработали разные по задачам и способу исполнения типы карт.

Значительно число **лексических карт**, построенных на основе ономазиологического принципа (от значения к слову): при картографировании различных объектов (предметов, признаков) номинации исходят из семантики лексем и ищут соответствующее название. Таковы, например, карты Л 1 [к. № 1]¹ ‘лес’, Л 23 [к. № 29] ‘лес, выросший на пожарище’, Л 35 [к. № 43] ‘сухое дерево’, Л 53 [к. № 61] ‘берёза’, Л 58 [к. № 71] ‘орешник’ и мн. др. По возможности соотнося бесчисленные словообразовательные или корневые варианты с разнообразными геометрическими фигурами и вписанными в них различными знаками, которые используются для обозначения отдельных суффиксов и корней, авторы старались представить в удобочитаемом виде многоплановые и многочленные диалектные различия. Когда это оказывается невозможным, они предлагают вторую или третью карту-дубль, которая имеет более обобщенный вид, нежели основная карта. Таковы, например, карты Л 54 и Л 54 (карта-дубль) [к. № 62 и № 63] ‘верба’, Л 65 и Л 65 (карта-дубль) [к. № 74 и № 75] ‘дикая лесная яблоня’, Л 145 и Л 145 (карта-дубль) [к. № 162 и № 163] ‘подорожник’, Л 157 и Л 157 (карта-дубль) [к. № 182 и № 183] ‘белый гриб’, Л 149 и Л 149 (карта-дубль) [к. № 170–173] ‘щавель’ и др.

Практически карты этого типа свидетельствуют о богатстве лексических различий, которые содержатся в русских народных говорах. В отличие от литературного языка, который предлагает обыкновенно одну номинацию того или иного объекта, русские диалекты обладают более внушительным арсеналом лексем: например, на карте Л 87 [к. № 95] ‘верхушка дерева’ хорошо видны ареалы 14 разных лексем, не считая единичных названий с картографированным или некартографированным корнем: *верх*, *верху́шка*, *верхове́ц*, *верхові́на*, *верши́на*, *ма́квица*, *ма́ковица*, *маку́шка* и др.

Семасиологический подход обнаруживается при картографировании небольшого числа **семантических карт**, таких как, например, карта СМ 2 [к. № 2] «Употребляется ли и в каких значениях слово *дубрава*, *дуброва*; СМ 127 [к. № 140] «Употребляются ли и в каких значениях слова *комоника*

¹ Двойная нумерация карт – использование порядковых номеров карт и номеров, обозначающих соответствующий вопрос программы, ответ на который был положен в основу карты того или иного типа (лексической, лексико-словообразовательной, семантической, мотивационной), имеет свою логику, но затрудняет как их цитирование, так и их поиск, поскольку в содержании даются только порядковые номера карт и их заглавия.

(*команика, куманика*)?»; СМ 155 и СМ 155 (карта-дубль) [к. № 179 и № 180] «Употребляются ли и в каких значениях слова *обабок, обабка*?»; СМ 156 [к. № 181] «Употребляется ли и в каких значениях слово *зубы*?» и др. Фактически карты этого типа показывают развернутую полисемию в ее многоплановости и сложности. Нередко основную карту сопровождает дублирующая ее карта, на которой дополнительно представлены многочисленные и разнообразные значения, демонстрирующие большую семантическую вариативность картографируемой лексемы. Например, к 11 значениям лексемы *обабок, обабка* ‘подберезовик’, представленным на карте СМ 155 [к. № 179], добавлено еще столько же дополнительных значений на дублетной карте СМ 155 [к. № 180], среди которых, однако, отсутствуют значения ‘вид гриба’.

Основную часть атласа составляют **лексико-словообразовательные карты**, но это совершенно естественно и подразумевалось изначально, поскольку все карты, в основу которых был положен ономаσιологический принцип, демонстрируют номинативные, но главным образом – лексико-словообразовательные различия. На картах одним обобщающим значком отмечаются и все описательные номинации.

Карты этого типа, так же как и лексические, наглядно демонстрируют лексическое богатство народных говоров и неисчерпаемые номинативные средства, которыми оперирует диалектоноситель по сравнению со значительно более ограниченным в выборе средств носителем литературного языка. Часто именно диалекты предлагают яркие и образные, с прозрачным мотивационным признаком, однословные номинации в противовес литературному языку, в котором есть только описательные наименования. Примером может служить, например, карта ЛСЛ 34 [к. № 41] с длинным литературным описательным названием ‘мертвый лес с засохшими на корню деревьями’, на которой хорошо различимы, пусть они часто разорваны, неконтактны и даже дисперсны, ареалы более 14 метафорических однословных номинаций с прозрачными мотивационными признаками: *мертвѣна, мертвѣк, сухара, сухарник, сушина, суходол, сухостойник, сухоподстойник* и др. Ареалы диалектных синтаксических конструкций немногочисленны и главным образом точечны.

Различия в выборе словообразовательного инвентаря, при помощи которого диалектоносители создают номинации с тождественными корневыми морфемами, представлены в лингвогеографической проекции и на **словообразовательных картах**, составляющих также значительную часть объема ЛАРНГ. По картам этого типа (таковы, например, карты СЛ 6 ‘лес, роща с преобладанием деревьев одной породы’ (к. № 8), СЛ 77

‘маленькое растущее дерево’ (к. № 83), СЛ 78 ‘большое растущее дерево’ (к. № 85) и др.) можно проследить различное территориальное распределение отдельных суффиксов.

Очень интересны **мотивационные карты**, разработка и включение которых в ЛАРНГ не входили в первоначальный проект и программу атласа. Их появление было продиктовано возникшей в процессе работы необходимостью репрезентировать в лингвогеографическом ключе мотивационные признаки номинаций. Это, в свою очередь, дает возможность эксплицировать способ мышления диалектоносителя и способ, в соответствии с которым он видит и подбирает характерные признаки того или иного объекта окружающей природы при его назывании. Например, на мотивационной карте Л 137 ‘клевер’ (к. № 150) при помощи различных геометрических фигур разных цветов, представляющих несколько мотивационных уровней, картографированы прежде всего метафорические номинации, возникшие на основе ассоциативных связей с продуктами питания, и номинации, в основе которых лежит зооморфный признак. Далее цветным значком (пятиугольником) в его различных модификациях обозначены номинации, возникшие на основе качественно-оценочного признака: отражающие медоносные свойства, форму, цвет клевера. При помощи других геометрических фигур обозначены наименования, в основе которых лежит другой мотивационный признак, и названия с неясной внутренней формой.

Мотивационные карты являются важной частью ЛАРНГ, поскольку они хорошо представляют системность в организации различных семантических сфер и позволяют делать выводы о семантической корреляции между различными мотивационными признаками.

Карты **номинативного типа** показывают различные виды номинаций: однословные, эксплицирующие словообразовательную модель номинации, словообразовательные средства и пр., или номинации, представляющие собой описательные конструкции, выявляющие синтаксические связи между именами, входящими в их состав. Карты этого типа свидетельствуют о существовании различных номинативных моделей в отдельных русских диалектах, о разной логике, действующей в процессе номинации.

В вводной части атласа описаны принципы картографирования в ЛАРНГ, поэтому здесь я не буду подробно останавливаться на них, тем более что в их основе, как указывают авторы атласа, лежат общие теоретические установки, сформулированные при создании ОЛА. В соответствии с концепцией картографирования ЛАРНГ при работе над ним соблюдался «принцип системности, базирующийся на иерархии диалектных различий

и позволяющий элиминировать все то, что не существенно для картографируемого вопроса» (с. 8). Таковы, например, регулярные фонетические диалектные различия, так как они не являются релевантными для большинства карт атласа.

Лингвистический материал представлен на диалектном ландшафте при помощи разнообразных значков – геометрических фигур, дополненных внутренними или внешними диакритиками. Сложные слова картографируются значками, вписанными в геометрическую фигуру. Цель языкового содержания карты – ясно и недвусмысленно, причем на всех уровнях, показать противопоставление диалектных различий. При решении о включении той или иной лексемы в легенду карты и о ее месте в иерархии условных знаков легенды учитывались ее дистрибуция и частотность употребления, ее связи с легендами других карт (общие для данных карт лексемы обозначаются одинаковыми значками), ее происхождение – является ли она славянской или заимствованной – и т. д.

Характеризуя ареалы на всех картах ЛАРНГ, авторы определили русский диалектный ландшафт как в высокой степени дифференцированный в лексическом и словообразовательном отношении. Разумеется, эта диалектная дифференциация неоднородна – в одних случаях она сильнее, в других слабее. Но именно эта сильная диалектная дифференциация, подтвержденная существованием многочисленных островных и точечных ареалов, ставит перед исследователями много комплексных, требующих решения задач, от социологических и этнолингвистических до глоттогенетических. Поэтому в том случае, когда диалектный континуум оказывается разорванным, авторы предлагают дублетные карты, с помощью которых можно достичь большего обобщения. Сказанное можно проиллюстрировать, обратившись к четырем картам: № 111 [Л 102 ‘поляна’ и Л 103 ‘открытое место в лесу’], № 112–114 [карты-дубли Л 102 и Л 103]. На карте № 111 [ЛСЛ 102 и Л 103] картографировано более 20 лексем с указанным значением, не считая многочисленных единичных названий с картографируемым или некартографируемым корнем. Более отчетливой представляется картина, которую мы видим на первой дублетной карте № 112, на которой отмечены названия *поляна*, *полянка*, *междулесье*, *межлесье* и другие дериваты с корнем *лес-*. На второй дублетной карте № 113 отчетливо видны ареалы других, более широко распространенных названий поляны – *дол* и *палестина* и их производные. Третья дублетная карта, № 114, также хорошо показывает четко очерченные ареалы более редких слов: *веретье*, *елань*, *круговина*, *кулига*, *чистина*, *грива* и их производных, а кроме того, маркированные

обобщающими картографическими значками ареалы других дериватов с корнями *чист-*, *круг-* и *елан-*.

Уже сейчас, используя первый том ЛАРНГ, можно сделать и другие выводы и заключения, например, об основных лексических различиях между южно- и севернорусскими говорами или же между русским Востоком и Западом.

ЛАРНГ является прекрасным и неоспоримым доказательством того, что футурологические прогнозы о скорой «смерти» русских диалектов, как и диалектов в целом, в ближайшее время не сбудутся, так как все карты отчетливо демонстрируют консервативность в сохранении традиционного и специфичного, а также и витальность народных говоров, и продуктивность диалектных номинативных моделей. Объективный научный подход к языковым фактам обязывает картографировать и слова, заимствованные в диалект из литературного языка или из других языков, или производные от новых диалектных слов в диалектной лексической системе, но независимо от этого диалектная система демонстрирует свою жизнеспособность и устойчивость и в XXI веке. Неслучайно авторы отмечают появившуюся именно в результате указанных процессов так называемую исключительную (эксклюзивную) лексику, характерную для северно- и южнорусских говоров. Лингвогеографическое прочтение и анализ примеров таких эксклюзивных лексем, которые отмечены на многих картах и часть которых авторы вывели в вводную часть атласа (с. 10), позволяют сделать очень важный вывод: «В процессе развития русских говоров возникает некоторая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия как от литературного языка, так и от других диалектов» (с. 10).

Исследуя наиболее проницаемый для изменений пласт языка – лексику, первый том ЛАРНГ успешно справился с задачей показать удивительную картину многовекового человеческого опыта и знания о мире. Поэтому его материалы послужат многочисленным исследованиям в русистике и славистике. Например, в силу использования значительно более широкой сетки пунктов карты ЛАРНГ дополняют новыми материалами и расширяют представление об общеславянском диалектном пространстве, которое в настоящий момент мы имеем благодаря в том числе картам ОЛА.

Том «Растительный мир» является удачно поставленной первой вехой на долгом пути, на протяжении которого коллектив известных русских диалектологов и их молодых коллег изучает и обследует в лингвогеографической

проекции лексическое богатство русского языка. В планы этого коллектива входят расширение границ диалектного континуума, включение еще не обследованных территорий необъятной Русской земли, а также сбор по программе ЛАРНГ и введение в научный оборот данных во всей полноте. Несомненно, что и последующие тома серии «Природа» этого замечательного по содержанию и исполнению атласа откроют исследователям новый и во многих отношениях неизвестный до сих пор материал, который разрушит старые представления, опровергнет неверные утверждения и представит аутентичные материалы, свидетельствующие о лексическом разнообразии русских говоров.

Перевод с болгарского О. В. Трефиловой